

Дождавшись, пока все уйдут, Лань Сяочуань лишь тогда осмелился открыть глаза. Вот же напасть! Император лично накладывал ему мазь! Тьма знает, как сильно ему хотелось сбежать в этот момент: те тёплые пальцы казались самым изощрённым орудием пытки, и от одних воспоминаний тело невольно начинало дрожать.

Когда Лань Сяочуань очнулся, лекари уже ушли, а верхняя одежда на его спине была расстелена. Будучи тeneвым стражем, он не смел отказываться ни от каких требований императора. Что же делать, если император воспыал к нему нездоровым влечением?

Лечение, проводимое Чао Чимином, казалось Лань Сяочуаню куда мучительнее любой казни. При этом он боялся выдать себя и показать, что уже проснулся, ведь он совершенно не представлял, с каким видом теперь смотреть в глаза самому императору.

Лишь когда Чао Чимин наконец удалился, Лань Сяочуань смог свободно вздохнуть.

За последние два дня он совершил столько ошибок, что о дальнейшей службе подле императора, пожалуй, нечего и мечтать. Терзаемый подобными мыслями, Лань Сяочуань слез с роскошного Драконьего ложа, усталого несколькими слоями узорчатого шелка. В крайнем смятении он принялся мерить шагами пространство вокруг постели, пока наконец не решил: как только император вернется, он тут же падет ниц и запросит прощения.

Вернувшись, Чао Чимин застал у своей постели коленопреклоненную фигуру. Это был тот самый жалкий маленький тeneвой страж: его личико казалось совсем узким, круглое детское лицо — поразительно белым и чистым, а распахнутые глаза — влажными, искрящимися и переполненными живым блеском.

Хм, обладателю какого характера подобало бы иметь такое лицо?

Пожалуй, мягкого, учтвого и сдержанного, способного тонко угадывать его настроение и даже без слов умеющего вовремя подать чашку горячего чаю, а вовсе не способного лишь крушить всё вокруг под предлогом защиты. Мысленно отчитав Лань Сяочуаня заново, Чао Чимин решил, что сохранение жизни тeneвому стражу уже само по себе является величайшей милостью.

— Чего ты здесь стоишь на коленях? — Чао Чимин слегка толкнул ногой Лань Сяочуаня. Удар вышел несильным, неся скорее предупреждающий оттенок. Подумать только, найдется ли еще такой прекрасный господин, как он?

Лань Сяочуань кипел от гнева, но не смел произнести ни слова. Конечно, больно-то не тебе, раз пинают не тебя! Однако перед ним находился сам император, так что любые жалобы Лань Сяочуаню оставалось лишь проглотить обратно.

— Ваш слуга сегодня совершил тяжкий проступок: устроил беспорядок в Императорском кабинете и... и осквернил Драконье ложе Императора. Вина моя не имеет прощения, но я

умоляю Императора проявить милосердие и позволить вашему слуге и впредь охранять покой Его Величества снаружи, — опустив голову, проговорил Лань Сяочуань. Будучи тeneвым стражем, потерять свой пост из-за служебного несоответствия означало для него участь хуже смерти. Он не хотел умирать, он хотел жить.

О, будь на его месте женщина, он бы ни капли не смутился, вытирая ей тело. Он мечтал, чтобы его вторая половина обладала пышными формами, и чтобы вместе они родили детей, зажив счастливой жизнью.

— Н-но я же совершил ошибку, — со скорбным выражением лица заикался Лань Сяочуань, а его широко раскрытые глаза блестели влажной поволокой. С тех пор как он стал тeneвым стражем при Чао Чимине, он познал всю горечь этой службы: помимо охраны императора, приходилось вечно заботиться о его быте, порой по утрам подбирая для него одежду, а в ту памятную ночь — еще и обтирать тело Чао Чимина.

И почему среди стольких прекрасных служанок, с радостью выполнявших подобную работу, именно он, простой тeneвой страж, должен заниматься столь интимными делами?

Впрочем, всё это сможет осуществиться лишь тогда, когда он уйдет в отставку и покинет Императорский дворец.

Лань Сяочуань качнулся и чуть не рухнул на пол. Повернувшись к Чао Чимину, он озадаченно посмотрел на него: — Почему? — Неужели тот собрался его убить? Лань Сяочуань невольно задрожал плечами: может, броситься к нему в ноги и начать умолять о пощаде?

Но суровая реальность заключалась в том, что за всю свою долгую жизнь он еще ни разу не имел возможности перекинуться хоть словом с женщиной.

— Ты останешься на дежурстве при мне, — произнес Чао Чимин, мысленно насмехаясь над глуповатым видом теневого стража. Только взгляните на этого дурачка, с чего бы ему вообще заглядываться на него? Впрочем, его собственная жизнь сейчас текла уныло, словно стоячее болото, так что ему явно не хватало развлечений, и оставить подле себя теневого стража, совершившего столь незначительную ошибку, было совсем неплохой идеей.

Наверное, все остальные уже мертвы. Во всяком случае, так всегда говорили старшие товарищи.

Сначала они попадали в тренировочный лагерь лишь бы не умереть с голоду — выжить, чтобы однажды выбраться наружу и отыскать родных. Позднее они боролись за то, чтобы просто выйти из лагеря живыми, ведь обладатели слабых боевых искусств имели все шансы погибнуть на финальных испытаниях. Из пяти кандидатов Чао Чимин отбирал лишь одного теневого стража. Сам он никогда не терпел поражений, а потому не знал горькой участи проигравших, но тех, кто не справился, он больше никогда не видел.

Хотелось выжить — значит, нужно было стать сильнее.

— Ты не согласен? — Тон Чао Чимина мгновенно изменился, а глаза сузились. — Либо остаешься на дежурстве, либо умираешь прямо сейчас — выбирай. — Прищуриль свирепые глаза и скрестив руки на груди, Чао Чимин свысока смотрел на маленького теневого стража.

Кто посмеет очаровать его, повелителя целой страны? Окинув стража оценивающим взглядом сверху донизу, он отметил, что на том нет ни грамма лишнего мяса, и кроме сносного лица в нем не было ничего привлекательного. Работает недостаточно ловко, вечно всё роняет... Глаза, правда, красивые, — Чао Чимин не удержался от внутреннего презрительного фырканья в адрес собственного подчиненного.

— Тебе не нужно уходить наружу, — внезапно бросил Чао Чимин, глядя на белое детское лицо стража, и тут же мысленно одернул себя: неужели он и впрямь поддался чарам этого мальчишки?

Лань Сяочуань широко распахнул глаза, не веря своим ушам, и уставился на тирана. — Конечно же, я хочу жить! Я имею в виду... остаться тоже неплохо. — Лань Сяочуань прижал уши, а его голос прозвучал вовсе не воодушевленно. Конечно же, он не хотел оставаться — разве можно назвать тирана легким в общении господином?

— Ума тебе не занимать, — с довольным видом произнес Чао Чимин. — Но если ты посмеешь отказаться, Я прикажу отправить тебя на переобучение, а затем верну обратно. — Лениво бросил Чао Чимин.

Ч-что?

Переобучение?

Да его нынешнее боевое искусство таково, что соперников почти не осталось! Неужели его собираются сначала избить до полусмерти, а потом привозить обратно? Впрочем, вряд ли дело в этом. Неужели его опять лекарствами и превратят в ходячего мертвеца? Лань Сяочуань прошиб холодный пот, и он окончательно потерял способность возразить хоть слово.

— Кто разрешал тебе вставать с постели? — Чао Чимин бросил взгляд на откиннутое одеяло, и от его хищного взгляда у любого замерзли бы пятки.

— Тогда... мне лечь обратно? — уныло пробормотал Лань Сяочуань и, поймав свирепый взгляд Чао Чимина, со скоростью черепахи пополз обратно к постели.

Пожалуй, он был самым нежелающим залезать на Драконье ложе человеком за всю историю. О нет! Во всем виноват не он сам, его просто принудили! Скинув верхнюю одежду и оставшись в нижнем белье, Лань Сяочуань медленно втиснулся под одеяло. Приближалась зима, погода в Столице стояла довольно холодная, и он укрылся тонким одеялом, после чего из-под него испуганно выглянули лишь два больших черных глаза, безмолвно вопрошая Чао Чимина: так

сойдет?

Эти влажные глаза, казалось, так и манили к себе, а длинные пушистые ресницы придавали лицу вид человека, умоляющего о жестоком обращении. Столь невинный и в то же время соблазнительный образ заставил тело Чао Чимина, прошедшее в бесчувственном спокойствии два десятка лет, отреагировать совершенно неожиданным образом. Яростно зыркнув на стража мрачным взглядом и выругавшись про себя, он бросил взгляд на собственную реакцию и тут же направился к нефритовому водоему. Он и помыслить не мог, что какой-то ничтожный теневой страж действительно окажется способен соблазнить правителя целого государства.

К моменту возвращения Чао Чимина после омовения Лань Сяочуань по-прежнему лежал в постели. По-прежнему осмеливаясь высунуть наружу лишь одну голову, он круглыми глазами следил за тем, как появляется Чао Чимин. Он не смел уснуть, страшась гнева тирана, который мог приказать прикончить его в любой момент.

Заметив жалкий вид маленького теневого стража, Чао Чимин расплылся в странной улыбке, и в его голове внезапно родилось желание оставить мальчишку в своей постели.

— Сегодня ты останешься греть мне ложе, — ехидно бросил Чао Чимин, не упустив из виду целую гамму эмоций, отразившуюся на лице стража.

Лицо Лань Сяочуаня в тот же миг исказилось от ужаса. — В-ваша светлость, я не женщина, я... я не умею ублажать императора! — За всю свою жизнь он совершенно ничего не смыслил в делах между мужчиной и женщиной, а за неудачную службу могли и голову снести. Глаза Лань Сяочуаня округлились до предела, а в уголках от страха выступили слёзы.

По одному лишь заикающемуся голосу Чао Чимин отчетливо понял, как сильно тот перепуган. Получив изрядное удовольствие, он сорвал с лица стража повязку. Ну разумеется — так белое личико выглядело куда более живым.

— Разве Я говорил, что ты будешь делить со Мной ложе? — с притворным недоумением переспросил Чао Чимин, бросив на него взгляд.

Лань Сяочуань мгновенно залился ярчайшей краской. Выходит, он всё не так понял! Речь шла о самом обычном согревании постели, ничего более. Сделав глубокий вдох, он успокоил себя: в конце концов, ничего страшного, просто объем работы немного увеличился...

— Но если ваш слуга будет спать, то не сможет охранять Императора!

— По-твоему, за этими медными стенами кто-то сможет пробраться внутрь? — Чао Чимин насмешливо фыркнул. Охрана в тени уж точно не позволила бы мелкому стражу обнаружить себя, да они обычно и не смели показываться ему на глаза.

Притянув юного стража к себе, он принялся мять его теплые ладони. Кожа оказалась на ощупь ровно такой же приятной, как он и воображал, а стоило взглянуть на это личико, как настроение и вовсе заметно улучшилось.

Лань Сяочуань склонил голову набок. Рассудив здраво, он понял, что император прав: в конце концов, помимо него, в покоях дежурило немало других смертников. Некоторые из его коллег по рангу превосходили его в боевых искусствах, занимая лидерские позиции, хотя все они и делились по старшинству мастерства. Он же, к примеру, занимал лишь девятое место.

Тогда... тогда ведь получается, что о его пребывании на Драконьем ложе узнают вообще все! — Лань Сяочуаня объял суеверный ужас.

Как он после этого сможет смотреть в глаза Цзиньивей?

За каждым командиром числился целый отряд элитных воинов Цзиньивей. Теперь он потеряет всякое лицо и перед другими командирами, и перед своими бойцами Цзиньивей!

— Но ваш слуга еще не мылся, я испачкаю Драконье ложе! — Лихорадочно соображая, Лань Сяочуань пустил в ход все свои скромные запасы красноречия — за весь год он, пожалуй, не произнес столько слов, сколько за сегодняшний день. В отчаянных попытках отыскать хоть какой-то повод он покраснел еще сильнее, а на висках выступили капельки пота, увлажнившие пушковые волосы.

Прищурившись, Чао Чимин окинул взглядом маленького стража: очевидно, сам он об этой детали вовсе не подумал.

— Эй, кто там! — низким голосом позвал Чао Чимин.

Главный управляющий Хэ тут же вошел внутрь. Он даже не смел поднять глаз на императора и человека на ложе — сквозь занавеси смутно угадывались две фигуры, причем Лань Сяочуань, судя по всему, сидел в самом дальнем углу постели.

— Каковы будут приказания Его Величества? — немедленно склонив голову, осведомился Главный управляющий Хэ.

— Уведите его искупаться, переоденьте и возвращайте сюда греть постель, — басовитым, раскатистым голосом велел Чао Чимин, причем в этих низких нотах отчетливо слышался смех, выдававший великолепное расположение духа хозяина.